

Алексу, Элоизе и моим родителям

Слова благодарности

Когда я размышляю об истоках и эволюции создания книги «Третий Рим», мне вспоминается карикатура в журнале «Нью-Йоркер» от 24 апреля 2006 года, где отчаявшийся римлянин в тоге говорит другому римлянину: «Мой подрядчик заверил меня, что на Рим хватит одного дня». Основания моей версии города были заложены в диссертации, написанной в Стэнфордском университете (1996) при поддержке факультета славянских языков и литератур Стэнфордского университета, гранта от общества «Фи Бета Каппа» в Северной Калифорнии и Образовательного стипендиального фонда Американской ассоциации женщин с университетским образованием. Когда я работала над проектом, приводя его в нынешний вид, мне повезло получить финансирование от Фонда русских исследований Дэвиса при Колледже Уэллсли, Института Кеннана при Международном центре Вудро Вильсона и Колледжа искусств и наук при Университете Южной Каролины. Я благодарна сотрудникам Европейского читального зала Библиотеки Конгресса, Российской государственной библиотеке Москвы, Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и Межбиблиотечному абонементу Библиотеки Томаса Купера в Университете Южной Каролины за неоценимую помощь.

Я бы хотела поблагодарить Стива Салемсона за то, что он предложил этот проект издательству Университета Висконсина, а также Гвен Уолкер и Шейлу Мермонд за помощь с публикацией. Также выражаю благодарность Джейн Барри за тщательное редактирование текста.

Я глубоко признательна Аврил Пайман и Михаилу Вахтелю, читавшим рукопись по просьбе издательства Университета

Висконсин. Их детальные, пронизательные и информативные комментарии вдохновляли меня и значительно улучшили окончательный вариант книги. Я бы также хотела поблагодарить и других людей, которые читали, комментировали или обсуждали различные аспекты моей работы. Среди них Стивен Баэр, Питер Барта, Николай Богомолов, Кэрил Эмерсон, Лазарь Флейшман, Джон Малмстад, Ирен Масинг-Делич, Пол Аллен Миллер, Стэнли Рабинович, Пол Робинсон, Дэвид Слоун и Эндрю Вахтель. Моего научного руководителя во время учебы в университете Принстона Эллен Чансез, которая увлекла меня изучением русской литературы и всегда отзывалась на мои творческие попытки с присущим ей умом, воодушевлением и интересом. Григория Фрейдина — научного консультанта моей диссертации в Стэнфорде, который неизменно поражает и вдохновляет меня своей бесконечной преданностью масштабным и амбициозным идеям и исследованиям. Выдающегося Михаила Леоновича Гаспарова, ныне покойного, который оказал мне честь в период создания книги, уделив внимание изучению ряда черновиков, поддерживая меня и щедро делясь знаниями.

Благодарю Яну Яхнину из Москвы, а также Марианну и Сергея Ланда, Юну Яновну Зек из Санкт-Петербурга за теплое гостеприимство и оживленные плодотворные беседы. Моих бывших студентов — Жанну Хаггард, Александра Дейнеку, Андре Рэмберта и Сару Сейлор — за безупречное содействие.

Моих родителей Мэдлен Кальб и Марвина Кальба, а также мою сестру Дебору Кальб, которые привили мне любовь к книгам и крепкое уважение к искусно созданному письменному тексту. Они внесли неоценимый вклад в этот проект, и я бесконечно им благодарна. Также выражаю сердечную признательность моему дорогому мужу и коллеге — слависту Александру Огдену, который оказывал мне постоянную моральную и интеллектуальную поддержку.

Я бы хотела выразить свою благодарность людям и учреждениям, которые сделали возможным русское издание моей книги.

Я признательна Программе завершения работы над рукописями Колледжа искусств и наук Университета Южной Каролины за

финансовую поддержку. Особое спасибо моему талантливому переводчику Елене Шинкаревой и моим прекрасным редакторам Ирине Знаешевой и редактору по правам Ксении Тверьянович. Я хочу поблагодарить за помощь моих замечательных аспирантов Любовь Карташову и Дарью Смирнову. Наконец, я глубоко благодарна нашей дочери Элоизе Роуз Кальб Огден за ее постоянную и любящую поддержку, когда я завершала этот проект.

Части главы 1 прежде издавались в статье «Merezhkovskii's Third Rome: Imperial Visions and Christian Dreams», вышедшей в 2001 году в журнале «Ab imperio» (№ 1–2. С. 125–140). Глава 3 появилась в 2000 году в более ранней версии «A Roman Bolshevik: Alexander Blok's *Catiline* and the Russian Revolution» в «The Slavic and East European Journal» (Vol. 44. № 3. P. 413–428). Глава 4 с незначительными изменениями была опубликована в 2003 году под названием «Lodestars on the Via Appia: Viacheslav Ivanov's 'Roman Sonnets' in Context» в «Die Welt der Slaven» (B. 48. S. 23–52). Ранний вариант главы 5 был опубликован еще в 1993 году в «Soviet and Post Soviet Review» (Vol. 20. № 1. P. 35–49). Я благодарю редакции этих журналов за возможность переиздать материал. Благодарность за разрешения на иллюстрации выражаю компании Scala / Art Resource (Леонардо да Винчи, «Иоанн Креститель», Чезаре Маккари, Цицерон; Карл Брюллов «Последний день Помпеи») и попечителям Британского музея (икона Святого Иоанна Крестителя, 1450).

Введение

Зависть к Риму

Дороги к Риму

И когда я увидел наконец во второй раз Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет.

Н. В. Гоголь. Письмо М. П. Балабиной, 1838¹

Недалеко от Колизея, в самом сердце Рима, возвышается базилика Сан-Клименте, названная в честь папы римского Климента, умершего примерно в 100 году н. э. Базилика датируется XII веком и расположена на руинах христианской церкви IV века, которая в свою очередь покоится на святилище I века, посвященном языческому богу Митре. Митреум возведен над другим уровнем, образованным стенами дохристианского периода, датировка которых восходит к эпохе Римской республики, предшествовавшей началу Римской империи. Поразительно, что на уровне IV века этого архитектурного палимпсеста с изложением римской истории находится гробница святых Кирилла и Мефодия, которым доверили создание первого славянского алфавита и распространение слова христианского Евангелия славянам. Там же видны памятные доски с благодарностью и настенные росписи,

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. XI. С. 144.

сделанные различными славянскими народами — русскими, словаками, болгарами, хорватами и прочими. Русская изображает Мефодия слева, в сопровождении первых слов Евангелия от Иоанна («В начале было Слово...»), а Кирилла — справа, с кириллическим алфавитом в руках. Перед этим свидетельством торжества русской религии и грамотности висит лампада. Объяснение данного неожиданного с географической точки зрения явления таково: кости святого Кирилла были захоронены его братом Мефодием в церкви IV века «справа от алтаря Св. Климента»².

Как посланники, несшие слово Божье славянам, оказались в Риме и как эта история связана с трудами группы русских авторов-модернистов, посвященными Риму, созданными в последние годы XIX и первые десятилетия XX века? Ответ на первый вопрос относительно ясен. Согласно легенде, в царствование римского императора Траяна (98–117 гг. н. э.) Климент был отправлен в изгнание в Крым для работы на местных каменоломнях. Несмотря на все превратности судьбы, он продолжил исповедовать христианские заветы, и тогда представители местной власти, противники христианства, привязали его к якорю и кинули в Черное море — фрески на стене базилики Сан-Клименте изображают эту легенду. Много веков спустя братья Кирилл и Мефодий проповедовали в Крыму. Предположительно в 861 году Кирилл обнаружил фрагменты тела Климента, а также знаменитый якорь на острове возле Херсонеса. После реконструкции тело с большими почестями было привезено в Сан-Клименте. Через год Кирилл умер, и папа разрешил захоронить его кости рядом с телом святого, которого он вернул в Рим [Boyle 1989: 5, 8]³.

Ответ на второй вопрос сложнее и составляет предмет моей книги. Русский вклад в создание базилики Сан-Клименте заявляет права на римское наследие, иными словами — на наследие, именуемое западной цивилизацией. Русское присутствие в со-

² Эта цитата из произведения «*Translatio Sancti Clementis*», или «Итальянская легенда» Льва Остийского, сочиненного примерно в 1100 году; приведена в книге Леонарда Бойля [Boyle 1989: 33].

³ См. также [Исаева, Мотовилина 2002].

оружении, объединившем в себе наиболее яркие черты римской истории и культуры — от республиканских свобод до эпохи империи, от язычества до христианства, — подтверждает связь с русской историей на всех этапах и, что, вероятно, еще важнее, делает очевидным желание России получить признание, что сама эта связь существует. (Можно сказать, что статуя Александра Пушкина, полученная в подарок от российского правительства и установленная на знаменитой вилле Боргезе в Риме в 2000 году, является частью этой самой традиции (рис. 1).)

В действительности русские претендовали на римское происхождение веками, начиная с историй о мифическом брате римского императора Августа Прусе, который, предположительно, был прародителем Рюрика⁴, и заканчивая доктриной «Москва — Третий Рим». Хотя такого рода попытки обнаружить отзвук римского прошлого (*Romanitas*) в национальной истории присущи и другим странам, Россия в этом вопросе в какой-то степени уникальна. В отличие от других претендующих на римскость Россия никогда не была частью Римской империи и не входила в состав пришедшего ей на смену католического мира с преобладающей в нем латынью, который позже, в XIX веке, прославлял русский мыслитель Петр Яковлевич Чаадаев как образец объединения культур — в противоположность России. Однако на Россию оказала культурное и религиозное влияние та половина Римской империи, о которой западный мир склонен забывать: Византия, со столицей в Константинополе, провозглашенная Новым Римом в 330 году н. э. первым христианским императором Рима Константином. Византия подарила России православное христианство и, благодаря миссионерам Кириллу и Мефодию, исполненную веры славянскую речь.

---

⁴ «Сказание о князьях Владимирских», составленное в первой половине XVI века, ввело в исторический оборот брата Августа, Пруса, который будто бы правил прусскими землями и был прямым предком Рюрика. А линию московских князей возводили непосредственно к Рюрику» [Уортман 2002: 47]. См. также [Кнабе 2000: 100–101]. Кнабе отмечает, что на рисунках в Московском Кремле, датирующихся XVII веком, изображен Август и его потомки.

Рис. 1. Статуя русского поэта Александра Пушкина, установленная в садах виллы Боргезе в Риме в 2000 году. Подарок правительства Москвы Риму

«Первый», западный Рим преимущественно воплощал светскую власть и власть императора для различных русских правителей и их подданных, тогда как «второй», восточный Рим, будучи преемником светской власти западного, в то же время мог выступать как символ религиозного благочестия⁵. Константинополь, таким образом, снабдил Россию альтернативной моделью Рима, делавшей упор на чудеса веры: все-таки именно здесь, на Востоке, изуродованное тело Климента воскресил вдохновленный Богом миссионер. Многие поколения русских претендовали на имперское наследие Рима и в то же время опирались на религиозный статус Византии, утверждая временами, как в случае доктрины Третьего Рима, свою уникальную способность объединить опыт и превзойти обоих предшественников. В процессе они сконструировали сложный миф о русском — или, как позже назовет его Марина Цветаева, скифском — Риме⁶. Русская табличка в Сан-Клименте воплощает эту замысловатую схему: она заявляет о русском вкладе в римскую историю, позволяя России приобщиться к римской культуре и императорской власти и в то же время парадоксально подчеркивая русскую духовность. И имен-

⁵ Аспекты ассоциаций между Москвой, Римом и Константинополем обсуждались историками, специалистами по культурной семиотике и другими исследователями. См., к примеру, [Raba 1995: 303] о сложных «компонентах характера» «триады Рим — Константинополь — Москва»: «правители языческого Рима, которые тем не менее были правителями мира, стали праотцами правителей Московской Руси; правители христианской Византии передали символы своей власти праотцам русской автократии, избранным Богом». См. также [Medlin 1952: 79] о наследии Византии для русских правителей: «светский глава православного христианства и защитник всемирной веры». Семиотики Юрий Лотман и Борис Успенский утверждают, что «в идее “Москва — Третий Рим” сливались две тенденции — религиозная и политическая. При выделении первого момента подчеркивалась связь с первым Римом, что влекло затушевывание религиозного аспекта и подчеркивание аспекта государственного, “императорского”. Исходной фигурой здесь делался не Константин, а Август-кесарь» [Лотман, Успенский 1996, 1: 126]. См. также рассуждения Лотмана о Санкт-Петербурге как соединении «двух архетипов: “вечного Рима” и “невечного, обреченного Рима”» (Константинополя) [Лотман 1984: 34].

⁶ В эссе «Герой труда», посвященном Валерию Брюсову, Цветаева характеризует его как «скифского римлянина» [Цветаева 1994, IV: 21].

но этот процесс — процесс идентификации с Римом, его отвержения, состязания с ним и грез о нем — описали и воплотили русские модернисты, посвятившие ему часть своего творчества.

В этом первом объемном исследовании произведений русских модернистов, писавших о Древнем Риме, я анализирую так или иначе связанные с Римом тексты пяти авторов: Дмитрия Мережковского, Валерия Брюсова, Вячеслава Иванова, Михаила Кузмина и Михаила Булгакова. Такой выбор авторов обусловлен намерением охватить разные жанры: роман, эссе, лирику и пьесы, — а также рассмотреть длительный период времени от истоков символистского направления начала 1890-х годов к революциям начала XX века и до сталинских чисток 1930-х. Я пытаюсь таким образом продемонстрировать, что непреходящая власть Рима остается мощным символом для русских писателей-модернистов, несмотря на разницу жанров и радикальные изменения исторических обстоятельств. Это не исследование, посвященное русским модернистам в Риме, их впечатлениям и воспоминаниям, хотя большинство авторов, о которых я говорю, посещали Рим, и я коснусь этого там, где это будет уместно в контексте моей аргументации⁷. Мой анализ в большей степени сосредоточен на том, как эти авторы использовали Рим в качестве инструмента мифотворчества, рассуждая о современной им России и создавая на римской основе идею русской национальной идентичности — не собственно предреволюционную или советскую, но плавно охватывающую оба периода. Используя многогранность символизма и связанную с Римом риторику, русские авторы-модернисты пытались интегрировать национальную историю России в архетипический западный нарратив и в то же время утвердить значимость роли восточного партнера, которым часто пренебрегают, в римской модели. Следуя концепции Фридриха Ницше,

⁷ Весьма показательный пример такого исследования являет книга Алексея Кара-Мурзы «Знаменитые русские о Риме» (М.: Издательство Независимая Газета, 2001), где упоминаются мнения русских посетителей о Риме с начала XIX по начало XX столетия. Алексей Кара-Мурза составил подобного рода сборники также о Венеции («Знаменитые русские о Венеции». М.: Издательство Независимая Газета, 2001) и о Флоренции («Знаменитые русские о Флоренции». М.: Издательство Независимая Газета, 2001).

Владимир Соловьев и другие важные мыслители и авторы периода русского модернизма в своих работах, связанных с Римом, изображали будущее России через слияние с римским прошлым, трансформируя историю в вечный миф в новом символическом литературном пространстве России⁸. Русский художник считал себя центральной фигурой этого мифотворческого процесса, способной преодолеть временной (прошлое — настоящее) и пространственный (Восток — Запад) разрыв для создания своего собственного текстуально единого и вечного Третьего Рима. Перед тем как перейти к дальнейшему анализу, важно вернуться к истокам этих произведений — сперва к западным и русским идеям о Риме, которые их питали, также к предшествующим русским отсылкам к Риму, включая миф о Третьем Риме, — а затем обрисовать картину fin-de-siècle в Европе и России, которая вдохновляла этих авторов.

Притязания и наследие

Забавна и немного пугающа, не правда ли, мысль о том, что Восток и впрямь является метафизическим центром человечества.

*И. Бродский. Путешествие в Стамбул*⁹

В начале III века н. э. привыкший к космополитизму культур имперского Рима ученый высказал следующее мнение: «Во... всех странах региона Северного Понта [Черного моря]... нет скульп-

---

⁸ «Так же как глубина как измерение исчезла из сферы визуального творчества, так и историческая глубина исчезла из содержимого большинства произведений современной литературы. Прошлое и настоящее воспринимаются пространственно, заперты во вневременном узле, который, акцентируя внимание на пространственных различиях, искореняет само ощущение последовательности событий, располагая их рядом друг с другом» [Frank 1991: 63]. Джозеф Франк отмечает, что современные работы «содержат бесконечное количество соприкосновений между аспектами прошлого и настоящего, сливая их в единую общую картину» (op. cit., 62–63).

⁹ Бродский И. Путешествие в Стамбул // *Континент*. 1985. № 46. С. 67–111.

Рис. 2. Статуя римского поэта Овидия в Констанце, Румыния, прежде город Томы

торов, художников, парфюмеров, ростовщиков и поэтов»¹⁰. Такой взгляд на страны за Черным морем как на нецивилизованные и в целом варварские был распространен долгое время: в мире греческой мифологии, к примеру, волшебница Медея из Колхиды (Западная Грузия) названа варваркой. Такой же взгляд разделяли многие жители обширной Римской империи: для римского поэта Овидия в 8 году I века н. э. ссылка в румынский город Томы (ныне Констанца) на ближнем побережье Черного моря стала причиной горьких стенаний, нашедших отражение в произведении «Скорби» (рис. 2)¹¹.

Много веков спустя, после 550 года н. э., когда Римская империя уж давно была разорена нашествием германских племен, другие племена варваров, на этот раз славяне, наконец добрались в Грецию, проделав путь через Балканы. Области, занятые этими славянскими племенами, стали известны как «территории, лишённые

¹⁰ Цит. по: [Brown 1997: 6].

¹¹ Овидий называл эту область «страной варваров» и «отдаленной страной» [Овидий 1893: 30, 58].

государственности, чье население не платило налоги и не поставляло солдат императору», — территории, «обозначавшие конец имперского порядка»¹². В IX веке, больше чем на тысячу лет позже, чем Платон записал свои диалоги с Сократом, и почти тысячелетие спустя после знаменитых выступлений Цицерона на Римском форуме, моравский принц Ростислав призвал помощь — пришедшую в лице Кирилла и Мефодия — для создания славянского алфавита и литургии на славянских языках. Киевская Русь присоединилась к христианскому миру веком позже, а спустя еще девятьсот лет величайшие романисты России XIX столетия все еще могли восприниматься как варвары западноевропейцами, которые часто отвергали саму мысль, что Россия относится к культурно развитым странам¹³. Россия пропустила не только период Ренессанса — она пропустила также классический период, обеспечивший Западной Европе значительную часть ее культурного наследия.

Изложенное выше — это типично западный нарратив, умаляющий или даже полностью отрицающий значимость восточной половины Римской империи и, следовательно, ее влияния на славянский мир. Это версия, рассказываемая западным «центром» мира о его восточной «периферии»¹⁴. В силу этого в ней игнорируются осложняющие факторы, включая древнегреческие

¹² См. [Brown 1997: 126]. См. также [Geary 1999: 109]: «где бы в источниках ни фигурировали славяне, они описываются там не как крестьяне, но как свирепые воины, бессистемно и на короткий срок организованные в отряды».

¹³ Эта тенденция явно прослеживается в заглавии книги В. С. Притчетта «The Gentle Barbarian: The Life and Work of Turgenev» [Pritchett 1997]. См. также характеристику русских, высказанную королевой Викторией в 1878 году в период Русско-турецкой войны: «великие варвары, мешающие развитию всех существующих свобод и цивилизации» (цит. по: [Arnstein 1998: 23]).

¹⁴ См. [Shils 1982: 93–100]. В другом эссе Шилз отмечает, что «каждое общество, с макросоциологической точки зрения, можно толковать как центр и периферию. Центр состоит из таких институтов (и ролей), которые осуществляют власть — в экономическом, государственном, политическом и военном аспектах, — а также тех, кто создает и распространяет культурные символы — религиозные, литературные и пр. — посредством церквей, школ издательств и т. д. Периферия состоит из пластов и частей общества, являющихся реципиентами команд и верований, которые они сами не создают и не распространяют, а также из тех, кто ниже по иерархии в распространении или распределении наград, отличительных знаков, льгот и т. п.» (ор. cit., 59).

торговые колонии на побережьях Черного моря, увековеченные римлянами, а также еще более значимые связи, установившиеся между Киевской Русью и Византийской империей в X и XI веках¹⁵. В глазах западного человека концепция Рима по преимуществу западная концепция. Рим символизируют Форум, Сенат и Колизей, копии которых наводняют Европу и Соединенные Штаты (страну, ставшую еще одним преемником Рима)¹⁶. Рим отличают массивные здания и своды законов, Рим — это свобода республики и власть империи. С ним можно связать католицизм. Но нельзя связать восточное православие, иконы и восточных монархов. Их можно упоминать только в кратких ссылках и сносках.

Для русских восприятие Рима в корне иное. Рим связан для них со многими ассоциациями, понятными и для западного человека. И многие русские прозападного толка стремились отыскать эти ассоциации со своей нацией. Но, в отличие от Запада, русские не забывают о роли восточной половины империи. Эта половина подарила им алфавит и религию — качества, отличающие Россию от Запада¹⁷.

¹⁵ О греческих торговых колониях на побережье Черного моря, датирующихся самое позднее серединой первого тысячелетия до н. э., см. [Фролов 1999: 9]; см. также [King 2004: 26–42]. О взглядах римлян на мир за пределами Рима пишет Браун, рассматривая в первую очередь регионы на западных границах империи: «Реальность была сложнее римских стереотипов, сложившихся в отношении “варваров”» [Brown 1997: 12].

¹⁶ Занимательную трактовку увлечения Римом американцев см. [Vance 1989]. Первый том посвящен Древнему Риму.

¹⁷ В эссе, из которого я выбрала эпиграф для этого раздела, Иосиф Бродский затрагивает проблему этой разницы в установках и пишет: «...Рим, сознательно искаживший историю нашей цивилизации, просто стер византийское тысячелетие из памяти» [Brodsky 1986: 414]. Бродский напишет о поездке в Стамбул, вдохновившей его на создание эссе, так: «В конце концов я прожил 32 года в Третьем Риме, примерно с год — в Первом. Следовало — для коллекции — добрать Второй» [Бродский 1985: 68]. Перед своей смертью в 1996 году Бродский призвал к созданию Российской академии в Риме, заявив, что «итальянская культура является матерью русской эстетики» [Бродский 2007]. Кнабе выделяет три примера классического влияния на русскую культуру в советскую эпоху: элегические описания Санкт-Петербурга в литературе 1920-х годов, монументальная сталинская архитектура 1930–1940-х и «римская тема» в творчестве Бродского в 1980-х и начале 1990-х [Кнабе 2000: 201].

И все же Константинополю предстояло стать, по сути, вторым Римом, и подразумевалось, что его основание рассматривалось сквозь призму его западного предшественника¹⁸. Раннее самоопределение Константинополя через Рим создало некую модель для оценки Россией собственного культурного «прогресса» в современный период в сравнении с западным, римским стандартом¹⁹. Согласно исследованиям Лии Гринфельд, жители претерпевшей трансформации империи Петра I отличались в этом отношении безотчетным воодушевлением, но позже появились менее безапелляционные оценки, в которых показывалось обескураживающее превосходство Запада [Гринфельд 2013: 224–228]. Русские стремились утвердиться через притязания на равенство, нередко преувеличенные. Истоки этих притязаний зачастую лежали в классическом мире, особенно в Риме. В 1766 году Михаил Чулков инициировал создание сборника русских сказок о древних славянских царствах, которые по силе были равны или даже превосходили Грецию и Рим. А Михаил Ломоносов написал о «равенстве» России и Рима, указав на «подобия в порядке деяний российских с римскими» [Ломоносов 1766: 3]²⁰. В тот период европейцы не признавали Россию равной себе и таким образом отказывали русским в их причастности к политическому и культурному авторитету Рима. Гринфельд полагает, что результатом такого отвержения стало развитие в некоторых русских *ресентимента*, в терминологии Ницше, а также появление соответствующего нарратива, в котором Россия изображалась лучше и сильнее, чем предположительно

---

¹⁸ В самом деле жители Византии называли себя «римлянами» [King 2004: 65]. Как отмечает Хелен Эванс, это название фигурирует и в наименовании вселенского патриарха: «Архиепископ Константинополя — Нового Рима» [Evans 2004: 5].

¹⁹ Отметим, к примеру, обязательное сравнение Рима и «мира» в русской поэзии (см. [Топоров1987: 196–215]).

²⁰ Стивен Баэр пишет, что славянофилы XIX века «зашли так далеко, что осуждали прозападного историка Т. Н. Грановского за высказанное им мнение о мифичности Винеты (одного из якобы существовавших древних славянских государств)» [Baehr 1991: 53].

образцовый Запад, в особенности в отношении возвышенной русской души, определяемой в противопоставлении прагматичности и упорядоченной рациональности Запада [Гринфельд 2013: 254–255]²¹. Вера значила больше, чем строительство арок и акведуков. Юродивый по могуществу превосходил императора²². Федор Иванович Тютчев в стихотворении «Эти бедные селенья» (1855) пишет, что Христос избрал и благословил Россию из-за ее бедности. Эти слова можно трактовать как пример такого рода тенденции²³. Обратной стороной письма Чаадаева, в котором он осуждает Россию за отсутствие связи с европейским наследием, является более поздняя «Апология сумасшедшего» (1837), где мыслитель, ранее критиковавший свое отечество, утверждает, что допетровская Россия была по сути «листом белой бумаги», что и сделало реформы Петра возможными, и предвидит способность России «завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество» [Чаадаев 1991: 534]²⁴. И то отсутствие связи, которое оплакивал Чаадаев, превратилось в новом изложении в спасение России и мира.

²¹ Указывая на сложности самоидентификации России с Римом, Гринфельд называет главу, посвященную Риму, «Скифский Рим: Россия». Пример различий, которые некоторые русские видели между своей нацией и Западом, можно найти у Мережковского в его сопоставлении русского и европейского характеров: «Россия — противоположность Европы... Говоря языком Ницше, в вас живет Аполлон, в нас — Дионис... Вы любите золотую середину, а мы бросаемся в крайности; вы трезвые, а мы постоянно пьяные... вы знаете, как спасти свою душу, а мы все время стремимся потерять свою. У вас есть Город Настоящего, а мы искали Города Будущего... Для вас политика — это наука, а для нас религия...» [Мережковский 1999: 57–58].

²² Например, в поэме А. С. Пушкина «Борис Годунов» царь Борис слышит упрек от юродивого.

²³ См. также Тютчева «Умом Россию не понять». О мессианских взглядах на Россию и их отношение к идее «Москва — Третий Рим» см. [Синицына 1998: 16–21]. Подробное обсуждение темы Рима в творчестве Тютчева можно найти у [Кнабе 1996: 115–158].

²⁴ Сравните с более ранним утверждением из «Философических писем» (1829–1831): «В сущности, до Гомера, греков, римлян, германцев нам, русским, нет никакого дела. Нам все это вполне чуждо» [Чаадаев 1991: 433].

Это тесное смешение конкурирующих нарративов отражает в некотором смысле создание Римом мифа о себе, которое на раннем этапе породило действенную модель «периферии», ставшей «центром». Когда император Август заказал Вергилию написать эпическую поэму о Риме, тот сознательно опирался на «Илиаду» и «Одиссею» в качестве образцов: Вергилию нужен был культурный авторитет Греции для создания собственной словесной империи²⁵. В своей «Энеиде» Вергилий рассказывает историю «благочестивого» Энея, выжившего при победоносном сокрушении Трои греками в конце Троянской войны. Эней берет статуи домашних богов и, посадив на плечи старика-отца, покидает горящий побежденный город, чтобы вопреки всем напастям добраться до Италии и основать там Римскую империю²⁶. Вергилий заявил права на культурное наследие другой страны с тем, чтобы подкрепить римское прошлое героической историей и предсказать выдающееся будущее Рима. Тем самым он обеспечил писателей на века вперед воодушевляющим нарративом

²⁵ Марк Конрой описывает процесс, которому может следовать автор, ища легитимизации в предшествующих текстах: «Для придания большего веса своему дискурсивному статусу автор может прибегнуть к поиску уважаемого наследия, подкрепляющего его ключевую концепцию, цитируя различных авторитетов для поддержки заявлений, сделанных в рамках концепции, и даже пытаюсь установить родственные связи для основных текстов, которые используются для анализа концепции» [Conroy 1985: 16]. См. также [Griffiths, Rabinowitz 1990: 5]: «То, как Эней неизбежно придет к основанию Рима, занимало древнего читателя куда меньше, чем то, как Вергилий подчинит себе великого Гомера или подчинится ему: ведь именно с ним состязался Вергилий, воссоздавая его строку за строкой».)

²⁶ Историк I века до н. э. Дионисий дает пример таких разных упоминаний Энея, встречавшихся в тот период: «А поведал я обо всем этом и отступление сделал в силу необходимости, поелику одни из писателей утверждают, что Эней с троянцами не достигал Италии, другие — что приходил совсем другой, рожденный не от Венеры и Анхиса, третьи же — что это был Асканий, сын Энея, а иные уверяют, будто заявлялись какие-то другие люди. Но есть и такие, кто рассказывает, что Эней, сын Венеры, отправив в Италию отряд, вновь возвратился домой и царствовал в Трое, а при смерти оставил царство сыну Асканию, и род, пошедший от него, удерживал власть очень долго» [Дионисий 2005б, гл. 53].

о шатком, но богатом культурными ценностями восточном государстве, превратившемся в «империю без конца»²⁷. Хотя русские правители, в отличие от других, никогда открыто не заявляли претензий на троянские корни [Уортман 2002, 1: 47], история Энея, а также созданная Вергилием литературная модель строительства нации находила глубокий отклик у русских писателей-символистов на пороге XX века, так как они использовали миф и пример Вергилия для собственных произведений, в основе которых лежала национальная идея.

Таким образом, процесс самоидентификации России с Римом является одним из элементов сложной и долгой мифотворческой традиции, начатой самими римлянами и составленной из ряда нарративов, определений и выводов. Хотя Петр I был первым русским царем, внедрившим романизацию в широком масштабе в свои планы развития России как империи, этот процесс начали его предшественники. Ричард Уортман пишет, что еще в конце XV века русские монархи присваивали характерные римские

---

²⁷ «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока, \ Дам им вечную власть» [Вергилий 1979]. Троянские корни Энея являются для Вергилия одновременно возможностью и трудной задачей. В его истории троянцы, древние враги греков, возрождаются через Римскую империю, с тем чтобы однажды властвовать над греками, когда-то их победившими. С другой стороны, рожденный на Востоке Эней, отважный основатель Римской империи, характеризуется его латинским врагом Турном как «полумуж... фригийский», с прядями «влажных от мирра кудрей, завитых горячим железом», что соответствует римским стереотипам о регионах, которые там обозначали как Восток, включая Египет и Грецию наряду со странами Азии. Описание щита Энея у Вергилия, к примеру, содержит намек на Клеопатру (не называемую прямо, но легко угадываемую), которая ассоциируется, как и ее любовник Антоний, с эмоциональностью, варварством и стыдом. Пример римского презрения к Греции, такого же, как к другим регионам Востока, можно найти в сатирах Ювенала: «Перенести не могу я, квириты, \ Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев, \ Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком, \ Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами, \ Флейтщиц своих, тимпаны туземные, разных девчонок» [Ювенал 1989, I, 3: 60]. Со своей стороны Вергилий пытается обойти проблему загадочного происхождения Энея, предположив, что его отец Анхис имел итальянских предков, и эта связь еще более осложняет мифы о его истоках в тексте Вергилия.

черты в попытке притязать на статус западных правителей, делавших то же самое: «Россия обрела Рим через Европу, затем присвоила классические символы как указания на собственную западную природу» (там же)²⁸. Затем XVIII век обеспечил благодатную почву для этих ранних всходов. Как Вергилий признавал авторитет Греции, так Петр I осознал, что ради осуществления цели стать частью Европы необходим Рим. Петр приказал перевести с латыни на русский ряд классических произведений, в его правление также были созданы латинско-русско-немецкий и латинско-русско-голландский словари, а также латинская грамматика²⁹. И, что более важно, Петр и его последователи использовали Рим для продвижения его имперских амбиций: ведь он возложил на себя римские титулы императора и отца Отечества, праздновал свои военные победы традиционными римскими триумфальными шествиями и поощрял положительные сравнения России и Рима. После основания Петербургской академии наук в 1724–1725 году в новой столице Петра, которая сама была создана по римской модели, русские ученые получили место и государственную поддержку, чтобы изучать Древний мир, и это стало началом новой впечатляющей традиции научных исследований в данной дисциплине [Фролов 1989: 58–60].

Екатерина II продолжила начатую Петром традицию романизации — процесс, символом которого стал Медный всадник, статуя Петра I, вдохновленная римским изображением императора Марка Аврелия, с посвящением на русском и на латыни. Она также поощряла писателей, таких как Михаил Херасков и Василий Майков, изображать Рим, могущественную империю, как модель расширяющей границы имперской России³⁰. Как отмечает Стивен

²⁸ См. также [Кнабе 2000: 102].

²⁹ Когда Петр приказал сделать переводы греческой классики, римская модель была для него более всеобъемлющей, подкрепленной архитектурой его новой столицы и её политической структурой, Сенатом, названиями и пр. О римских чертах Санкт-Петербурга см., к примеру, [Кнабе 2000: 185–187].

³⁰ О римской теме в XVIII веке см. там же, в особенности главы 2 и 3; [Baehr 1978; Kahn 1993; Кнабе 2002, гл. 6–8].

Л. Баэр, «блaя слава Рима обозначала будущую славу России» [Baehr 1991: 50]. Имперские завоевания Екатерины, включая присоединение Крыма в 1783 году, совершались с оглядкой на Римскую империю. Овладение территорией, которая когда-то была частью Восточной Римской империи, могло рассматриваться как первый шаг на пути восстановления владычества православного Константинополя [King 2004: 140–147]³¹. (Ее выбор имени Константин для одного из внуков тоже можно трактовать в этом ключе [Reyftman 2003: 64].) При Александре I Россия также присоединила часть Грузии. Эти новые владения стали существенным географическим подтверждением русских притязаний, ранее базировавшихся в основном на принятии Россией православия, и усилили связь с древним миром³².

Русско-римские связи также выполнили свою функцию в менее приятном для императрицы и ее преемников ключе, когда Александр Радищев нелестным образом сравнил Россию с «более свободной» Римской республикой [Baehr 1978: 13]. В начале

---

³¹ Завоевания Екатерины имели также намерение создать новый образ России как европейского государства в противовес «азиатской стране, бедной и ввергнутой в пучину невежества, тьмы и варварства»; классическая античность стала важным элементом этой задачи, когда татарские названия крымских мест заменились на названия с классическими греческими корнями [King 2004: 162].

³² Южное побережье Крыма служило единственным форпостом Византийской империи на северном берегу Черного моря. Здесь располагалась древнегреческая торговая колония Херсонес, где позже римляне разместили гарнизон для защиты поставок зерна. Херсонес подвергся осаде и был захвачен киевским князем Владимиром во время одного из набегов, предпринятых русскими в том регионе в X веке [Васильев 1998, гл. 6], хотя они и не сохранили за собой эту территорию. Она была потеряна византийцами после IV крестового похода в 1204 году, когда западные крестоносцы разграбили Константинополь, и это событие стало предвестником распада Византийского государства. Крым в конце концов оказался под властью империи Османов. После присоединения Грузии и остальной части Кавказа к Российской империи в девятнадцатом веке Россия поглотила часть территорий, бывших когда-то под протекторатом Рима, с того момента, как римский генерал Помпей победил Митридата, царя Понта, в первом веке до н. э. После этого в первом и втором веках Римская империя продолжала расширяться на восток до самого Каспийского моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru